

УДК 94=03(09)"0/2"(4-015)

**ЗАПИСКИ ДЖОНА СМИТА КАК ИСТОЧНИК ПО
ИСТОРИИ КРЫМСКОГО ХАНСТВА В НАЧАЛЕ XVII в.***

Н.И. Храпунов, С.Н. Храпунова
(Крымский федеральный университет)

В статье анализируются известия о Татарии, собранные английским авантюристом Джоном Смитом. В 1602 г. Смит, служивший наемником в Трансильвании, был взят в плен мародерами и впоследствии продан в рабство. Весной 1603 г. он оказался в приазовских владениях Крымского ханства. Через несколько месяцев ему удалось бежать, добраться до владений московского царя и оттуда вернуться в Трансильванию. Два десятка лет спустя Смит публикует историю своей жизни, сначала в кратком (1625), а затем пространным варианте (1630), важным элементом которой стал рассказ о приключениях автора во владениях турок и татар. В работе Смит широко использовал известия других путешественников (Уильяма Биддольфа, Энтони Дженкинсона, Гильома де Рубрук, Мартина Броневского), предоставленные ему первым издателем его записок, Самьюэлем Пёрчасом. В настоящее время можно выделить оригинальные материалы, основанные на личном опыте Смита, касающиеся повседневной жизни и военного дела Крымского ханства.

Ключевые слова: Крымское ханство, Османская империя, дневник путешественника, Джон Смит, этнография.

Англичанин Джон Смит (1580–1631) – авантюрист, наемник и путешественник, легендарная фигура в Северной Америке (рис. 1). Его записки о жизни в Виргинии, описавшие увлекательную историю основания города Джеймстаун, превратили Смита в своего рода «пророка» британской колонизации континента. Смит был одним из лидеров Джеймстаунской колонии, ставшей первым постоянным английским поселением в Новом Свете. Сегодня в общественном сознании имя Смита связано с сюжетом о Покахонтас, дочери вождя индейского племени алгонкинов, Поухатана. Когда в декабре 1607 г. Смит попал в плен к индейцам, именно Покахонтас спасла англичанина от верной смерти – по крайней мере, так говорится в его записках. В наше время выгодно смотрятся и попытки Смита выстроить мирные отношения между индейцами и британскими колонистами. Но приключения в Новом Свете – не единственные, выпавшие на

---

* Работа выполнена в рамках Гос. задания Минобрнауки РФ № 2015/701-3 по теме «Этнокультурные процессы в Крыму в античности, средневековье и новое время».

долю англичанина. В молодости, еще до того, как отправиться в Америку, Смит много лет был наемным солдатом на службе у разных государей, воевал во Франции, Нидерландах и на Балканах. В 1602 г. он оказался в плену и был продан в турецкое рабство. На следующий год его отправили из Константинополя «в Татарию». Через несколько месяцев пленнику удалось бежать, добраться до владений московского царя и оттуда вернуться «к месту службы». Два десятка лет спустя, уже после возвращения из американских странствий, Смит занялся сочинительством, опубликовав несколько книг. Среди них была и история его жизни, сначала в кратком [28], а затем в пространном варианте [29], важным элементом которой стал рассказ о приключениях автора во владениях турок и татар.

Рис. 1. Джон Смит в тридцатисемилетнем возрасте. Гравюра [по: 31]

Рис. 2. Герб Джона Смита, которым он был удостоен за воинские подвиги в Трансильвании

Не раз переиздававшиеся, труды Смита принесли автору не только популярность, но и репутацию выдумщика и фантазера. Так, история его пребывания в турецком плену выглядит следующим образом. Дело происходило в Трансильвании, которая в это время стала ареной Пятнадцатилетней войны между императором Рудольфом II Габсбургом и султаном Мехмедом III (рис. 2). Ситуацию дополнительно запутывала борьба между группировками местной знати, стремившимися к большей самостоятельности и, в зависимости

Рис. 3. Джон Смита – пленник в Татарии.
Гравюра по изданию 1630 г. [по: 33]

Рис. 4. Джон Смит совершает побег из плена.
Гравюра по изданию 1630 г. [по: 33]

от ситуации, переходившими с одной стороны на другую. По указанию султана на театр боевых действий прибыло крымское войско хана Гази II Герая. В неудачном сражении при Турну-Рошу (Верешторонь) 18 ноября 1602 г. отряд графа Модруша, где находился Смит, был разгромлен войском крымского хана. Тяжело раненый англичанин оказался в руках у мародеров, которые продали его в рабство одному турецкому «паше». Тот, в свою очередь, отослал пленника к своей супруге в Константинополь, присовокупив, что это-де богемский лорд, *«захваченный им собственноручно, наряду со многими другими, которых он преподнесет ей вскоре, так что [взятый] с них выкуп украсит ее славой его побед»*. Однако хозяйка немного знала итальянский, язык, на котором говорил и Смит, так что обман раскрылся. Более того, англичанин намекнул, что эта знатная дама прониклась к пленнику романтическими чувствами, которые вскоре перестали быть тайной для ее матери. В результате было принято решение временно отправить англичанина к брату хозяйки, бывшему «пашой» где-то в Северном или Восточном Приазовье (1603 г.). Здесь Смит должен был выучиться турецкому языку и обычаям, рассчитывая на то, что положение его прекрасной дамы со временем изменится. Однако брат ее, заподозрив неладное, заковал Смита в цепи и отправил к прочим своим невольникам (рис. 3). Через несколько месяцев началась уборка урожая, и пленников послали работать в поле. Однажды Смит поспорил с хозяином, убил его в драке, и, понимая, что выхода у него нет, взяв коня и одежду убитого, бежал, куда глаза глядят, положившись на волю случая (рис. 4). Ему удалось отыскать «Астраханский тракт» и добраться до одной из казачьих крепостей на Дону, *«где стоял гарнизон московитов»*. Местный губернатор снабдил Смита документами и всем необходимым, позволившим тому через территорию Речи Посполитой добраться до Трансильвании [33, р. 182–189, 202–203]. В этом драматичном рассказе встречаются известные умолчания и противоречия, а потому не исключено, что Смит приукрасил подлинную историю своих приключений, в частности, сочинив любовную линию.

Отношение к достоверности сочинений Смита стало меняться во второй половине XX в. Работы американских исследователей показали, что при всей субъективности Смита, к тому же не чуравшегося заимствовать отрывки из сочинений других авторов, его записки содержат достоверную информацию там, где речь идет о его личном опыте [24; 27; 25; 26; 15; 16; 17; 22; 30; 20]. Пожалуй, решающую роль в «реабилитации» Смита сыграли труды Филиппа-Лемонта Барбура (1898–1980). Это был человек исключительно широких интересов. Один из основателей радио «Свободная Европа» («Радио Свобода»), он перевел на английский язык пушкинского «Бориса Годунова», опубликовал биографию царевича Дмитрия, а также занимался исследованием ранней истории североамериканских колоний. Лю-

бимым героем Ф.-Л. Барбура стал Джон Смит. Исследователь опубликовал его биографию [18] и до самых последних дней работал над полным критическим изданием его сочинений, завещав известную сумму из личных средств на завершение проекта. Трехтомник вышел уже после смерти Ф.-Л. Барбура [31; 32; 33].

В отечественной историографии сочинения Джона Смита используются как важный источник для изучения истории Северной Америки [например: 13; 11; 1, с. 21–23, 208–217, 301–307]. Однако его автобиография, вышедшая под названием «Истинные путешествия, приключения и наблюдения капитана Джона Смита» и, в частности, включающая подробный отчет о пребывании в Татарии (этому сюжету посвящены семь из 28 глав книги), пока не заслужила должного внимания. Исследователи занимались, главным образом, локализацией географических пунктов, отмеченных англичанином в Приазовье и Подонье, а также рассказом о пребывании Смита у донских казаков после бегства из плена [4; 9]. Наблюдения о жизни, быте и военном деле крымских татар практически не рассматривались, возможно, потому, что их сложно выделить в хаосе информации, заимствованной Смитом из разновременных источников. Исследования Ф.-Л. Барбура, и в частности – последнее издание «Истинных путешествий», выявили сложную структуру сочинения Смита и особенности его работы над текстом. По-видимому, в 1610-ых гг. Смит познакомился со знаменитым издателем Самьюэлем Пёрчасом, готовившим фундаментальный корпус известий путешественников о дальних странах. По его предложению Смит записал историю своих европейских приключений, ставшую частью четырёхтомника Пёрчаса [28; 33, р. 354–362]. Смит получил от Пёрчаса собранные тем материалы, с помощью которых «освежал» свою память. Когда впоследствии Смит готовил свои мемуары к публикации в виде отдельной книги, он значительно расширил их за счет материалов Перчаса [33, р. 128, 189–200 (footnotes), 356–359 (footnotes); 18, р. 297, 354, 363–365, 373–374, 413].

Таким образом, рассказ Смита о Татарии приобрел следующий вид. Глава 12, рассказывающая, как он туда попал, полностью оригинальна. Глава 13, сообщающая о пище, одежде и нравах татар, основана на материалах Пёрчаса с некоторой долей собственных наблюдений Смита. Главы 14–16, отсутствующие в первом издании, почти целиком состоят из сведений, собранных Пёрчасом. Наконец, глава 17, рассказывающая о бегстве Смита из плена, снова – оригинальная. Заимствованные Смитом у Пёрчаса материалы включают выдержки из записок Уильяма Биддольфа, Энтони Дженкинсона, Гильома де Рубрук, Мартина Броневского (последние два – в английском пере-

воде). Видел он, по-видимому, и какие-то карты¹. Заметим, что Биддольф описывал быт сирийского Алеппо, а Дженкинсон – жителей приволжских степей, тогда как Рубрук побывал в Причерноморье на три с половиной столетия раньше Смита. Очевидно, Смит воспринимал «Восток» как некое единство, неизменное во времени и пространстве. Здесь ничего не менялось на протяжении столетий, а жизнь людей мало отличалась на пространстве от Сирии до Казани. Но если убрать «вставные» материалы, оставшееся будет представлять интерес в качестве источника для реконструкции повседневной жизни и военного дела в Крымском ханстве, а также того впечатления, которое быт ханских подданных оказывал на современников-европейцев. Эти оригинальные данные и будут проанализированы в нашей статье².

Думается, известия капитана Смита о Татарии заслуживают публикации в русском переводе с аннотацией и расширенным комментарием. К несчастью, эта задача не так проста, как может показаться. Недавно «причерноморская» часть сочинения Смита была переведена на русский язык В.М. Калашниковым [5, с. 7–39], но, к сожалению, это издание оставляет желать много лучшего. Перед нами не столько перевод, сколько пересказ, причем смысл отдельных отрывков искажен до полной противоположности, в чем легко убедиться, сравнив «перевод» с английским оригиналом³.

¹ Об этом свидетельствуют, в частности, следующие соображения. «Провинцию» Татарии, где Смит держали в плену, он называет «Камбией». В латинском оригинале записок Мартина Броневского, изданном в Кёльне в 1595 г., приводится карта Северного Причерноморья (рис. 6). Здесь, между северо-восточным краем Азовского моря, Доном и Волгой, обозначены *Campi inter Tanaim et Volgam fluiuium*, то есть «равнины между Танаисом и рекой Волгой» [23, р. VI]. Не мог ли Смит, по-видимому, не знавший латыни, увидеть эту карту среди материалов Перчаса и превратить «равнины» (*Campi*) в страну «Камбию» (*Cambia*)? Смит упоминает два города в Подонье, известные античному географу Клавдию Птолемею, жившему во II в. н.э.: Налбриц (Наварис) принадлежал туркам и татарам, а Экополь (Эксополь) – москвитам [33, р. 187, 188, 201, 202; ср.: 6, с. 163, 326]. Хотя в XVII в. населенных пунктов с такими названиями не существовало, очевидно, Смит усмотрел их на какой-то карте Восточной Европы, которые в ту эпоху не отличались особой точностью и сохраняли много античных имен. Это могла быть карта фламандского мастера Йодокуса Хондиуса (Йоссе де Хондта; рис. 5), которую Пёрчас поместил в первом издании записок Смита о Татарии [28, р. 1369].

² Мы признательны Сергею Храпунову (Нью-Йорк), любезно снабдившему нас редкими публикациями, недоступными в нашей стране, но совершенно необходимыми для понимания записок Джона Смита, а также Магдалене Мончинской (Лодзь) – за карту Мартина Броневского.

³ Вот лишь один пример – фрагмент, рассказывающий о письме, которым возлюбленная Смита («трапезундка») снабдила англичанина, отправляя его в Татарию к своему брату. В работе В.М. Калашникова он передан следующим образом: «Благородная госпожа из Трапезунда написала своему брату-варвару о

Рис. 5. Карта ТатариИ Йодокуса Хондиуса [по: 28, p. 1369]

Края, которые описал Смит, в восприятии европейцев были частью Востока, который они полагали полной противоположностью

том, как бережно следует обращаться со Смитом. Ведь он, кстати, во время общения с прекрасной трапезундкой хорошо выучил турецкий язык и ознакомился с местными обычаями» [5, с. 18]. В оригинальном тексте это место звучит так: «To her unkinde brother, this kinde Ladie writ so much for his good usage, that he halfe suspected, as much as she intended; for shee told him, he should there but sojourn to learne the language, and what it has to be a Turke, till time made her Master of her selfe» [33, p. 188], иначе говоря, «Эта добрая дама столько писала своему недоброму брату о хорошем к нему [Смиту] отношении, что тот заподозрил больше, чем она намеревалась [сказать]; ведь она сообщила ему [Смиту], что он должен пожить там временно, чтобы выучить язык и все необходимое, чтоб стать турком, пока время не сделает ее хозяйкой собственной судьбы». Как видим, «перевод» В.М. Калашникова не только полностью исказил суть языковых проблем англичанина, но и выпустил важный намек на романтическую связь, определившую его судьбу. Заметим, что на самом деле Смит так и не выучил ни турецкий, ни крымскотатарский язык, и потому в своей книге воспроизвел местные имена и названия по памяти, нередко с такими искажениями, что их локализация стала существенной проблемой [27, p. 66–71; 16; 17; 9]. К слову, то же самое происходит и с именами, услышанными им на Балканах [25; 30, p. 28–30; 19, p. 215–216].

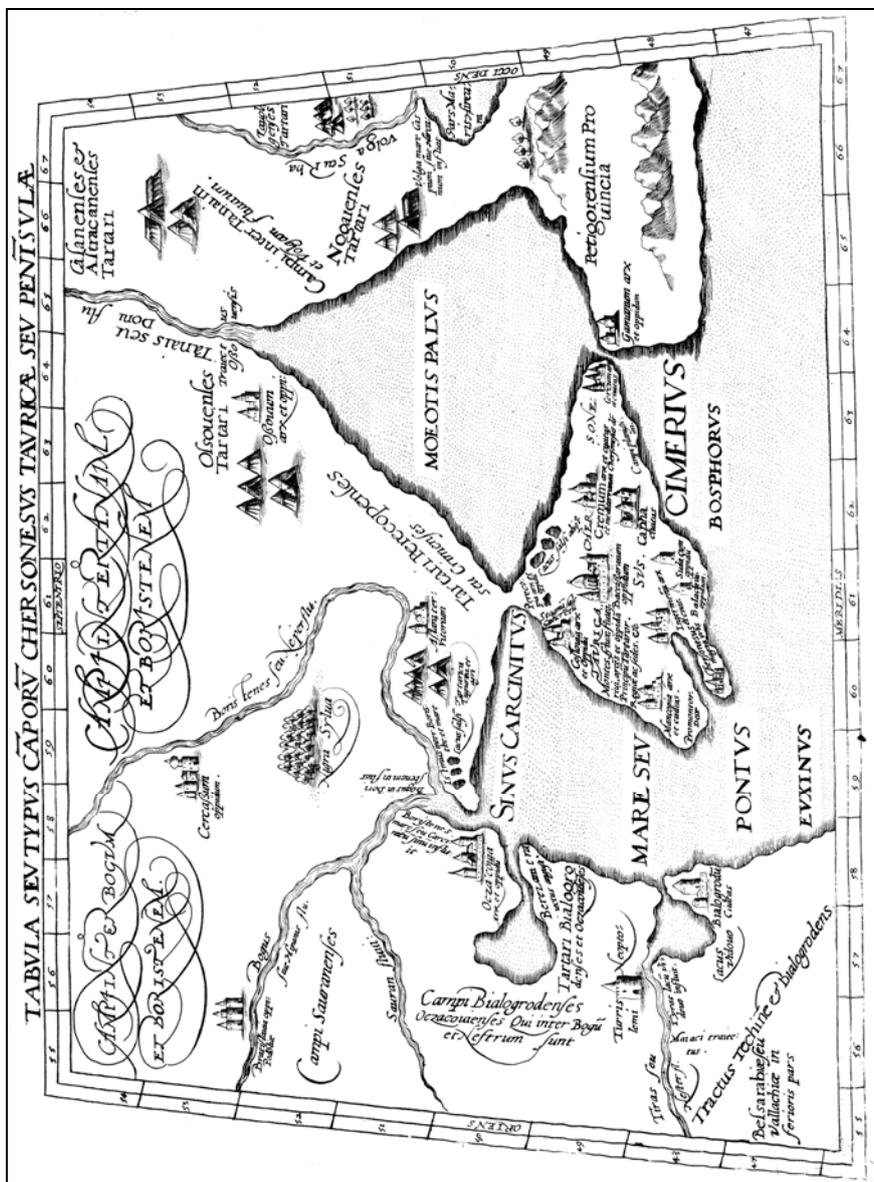

Рис. 6. Карта Херсонеса Таврического по Мартину Броневскому [по: 23, s. VI]

Западу, местом недружелюбным, но полным чудес [12, с. 92; 14, с. 97–123]. Этой репутации способствовало незнание. Так, например, современник Смита – француз Жак Маржерет, состоявший на русской службе, утверждал, что видел собственными глазами шкурки удивительного творения природы, полуживотного-полурастения, имевшего вид ягненка, вырастающего из земли на стебле, которое добывали в окрестностях Астрахани [10, с. 118–119]. В противоположность этому, рассказы Смита о Татарии приоткрывали европейскому читателю жизнь, конечно, отличавшуюся от его собственной, но все же остававшуюся в сфере реального, а не волшебного.

В соответствии с традициями своей эпохи, Смит добавляет в название страны и ее жителей букву «р» – *Тартария* (Tartaria), *тартары* (Tartars). Тем самым проводилась параллель с Тартаром, или преисподней древнегреческих мифов. Корни этого лежат в ужасе перед монгольским нашествием, охватившем Европу за несколько столетий до описываемых событий. *«Татария и Скифия – пишет Смит, – суть одно и то же, но она так велика и разнообразна, что немногим, а быть может и вообще никому никогда не удастся точно описать ни её, ни все те различные типы самых варварских народов, что её населяют. Те, кого мы зовём крымскими татарами, граничащие с Молдавией, Подоліей, Литвой и Россией, куда более упорядочены, чем [жители] внутренних районов Скифии»* [33, р. 191]. Смешение современной и древней этнографии – характерная черта ученых трудов Нового времени, когда историки и географы искали и находили скифов, воплощавших варварство, по всей Восточной Европе [3, с. 297, 310–311, 422 слл., 438 слл.].

Смит не жалеет слов, подчеркивающих варварство, жестокость и дикость жителей Татарии. Это не удивительно, учитывая, что ему пришлось жить среди рабов: *«ведь и тем, кому было легче всего, было так скверно, что жизнь эту вряд ли бы вынесла и собака; и к тому же, несмотря на все их тяготы и труды, относились [к ним] не лучше, чем к животным»* [33, р. 189]. Рабами были не только христиане, но также «турки и мавры». Им наголо обривали волосы и бороду, а вокруг шеи закрепляли железное кольцо со знаком владельца, позволявшим идентифицировать хозяина беглого раба. Носили они *«платье из шерсти длиннорогих овец, подпоясанное куском невыделанной кожи»* [33, р. 189, 201]. Еда была скудной: *«нашей же обычной пищей [были] потроха лошадей и длиннорогих овец. Изрубив их на мелкие куски, ими наполняют большой котёл и, сварив с просом, раскладывают по большим чашам в форме кастрюли с подогревом; они садятся кругом на землю и затем нагребают, сколько хотят, полными пригоршнями; остатки же отдают рабам-христианам. Часть этой похлёбки смешивают с толчёным просом, и, загасив огонь в очаге, ставят туда полную чашу и потом накрывают углями, пока не запе-*

чётся; *остатки похлёбки, тушеные с небольшими кусочками мяса, были особенным лакомством*» [33, р. 190].

Впрочем, судя по словам Смита, быт рядовых жителей Татарии немногим отличался от рабского: *«Лучшие из них одеваются как турки, но рядовой татарин прикрывает спину шкурой черной овцы, завязав пару ее ног на шее, а другую – на поясе; другой шкурой прикрывают брюхо, точно также завязав ноги сзади; ещё две, выделанные наподобие пары юбок, служат ему штанами; на голове носят маленькую тесную шапочку из чёрного войлока... Их дома гораздо хуже, чем у ирландцев, а во внутренних областях [живут] только в повозках и шатрах, которые при первой возможности перевозят из области в область; за собой гонят и бесконечные стада чёрных овец, коров и длинноногих баранов, пожирающих всё на своём пути»* [33, р. 190]. По описаниям Смита, Татария представляла собой смесь кочевого и оседлого населения, причем земледелие и каменную архитектуру можно было наблюдать ближе к морскому берегу и судоходным рекам. Англичанин утверждал, что во время путешествия на корабле из Константинополя в Татарию он видел в Приазовье два «белых города» (очевидно, сложенные из светлого камня) и четыре-пять *«казавшихся мощными каменных замков с плоскими крышами с зубцами вокруг»* [33, р. 188]. Точная локализация этих пунктов является предметом дискуссии [см.: 27, р. 66; 15, р. 364–365; 4, с. 59; 9, с. 200]. К тому же, Смит, по-видимому, не осознавал разницу между владениями крымского хана и османского султана. Одну из этих крепостей он описывает подробнее: *«Замок был велик в окружности; примерно в шести футах от стены толщиной в четырнадцать или пятнадцать футов шел частокол, а затем наполненный водой ров около сорока футов ширины. С западной его стороны лежит город, весь из низких домов с плоскими [крышами]...»*. Новый хозяин Смита жил *«в очень большом каменном замке, окруженном многочисленными дворами, за высокими каменными стенами...»* [33, р. 188]. Недалеко от замка начинались поля, где выращивали зерно. В полях работали рабы. Хлеб молотили на гумне с помощью колотушек, *«ведь цепов у них нет»* [33, р. 200].

Если в Турции рабов перегоняли с места на место, *«скованными за шею цепочкой по двадцать душ»*, то в Татарии эта мера считалась излишней: безлюдные дикие степи были надежной защитой от побега [33, р. 186, 200]. Выбравшись на «Астраханский тракт», Смит обнаружил, что владыки степей делали указатели, показывавшие направление дорог через их бескрайние владения. *«Всякий раз, когда эта большая дорога пересекает другие, стоит столб, а на нем – столько стрелок с широкими концами, сколько оттуда уходит дорога; а на каждой стрелке есть рисунок, показывающий, в какую страну ведет эта дорога, так что та, что указывает на страну Крым, помечена половиной Луны, а если на Грузию и Персию – то*

черным человеком, испещренным белыми пятнами, если на Китай – то изображением Солнца, если на Московию – знаком Креста, если же к владениям всякого другого князя – то фигурой, что стоит на его знамени» [33, р. 200–201]. Именно эти указатели и помогли англичанину «вслед за крестом» отыскать путь ко владениям христиан-москвитов, которые сочли своим долгом помочь ему вернуться в Трансильванию, «*полагая, что сами они могут оказаться в таком же бедственном положении»* [33, р. 201–202]⁴.

Если в Астрахань ездили по суше, то в Константинополь плавали морем. Морским путем доставили в Татарию самого Смита [33, р. 187–188]. Описанный им маршрут крайне запутан – быть может, потому, что память подвела его, или же турецкие моряки не желали делиться с европейцем подробностями плавания⁵. Но не только турки

⁴ По словам Смита, город, где он встретил москвитов, назывался «Экополем» или «Экополем» (Aecopolis, Achopolis, Echorolis). Это название восходит к информации знаменитого античного географа Клавдия Птолемея (II в. н.э.) об Экополе (Echorolis), городе в Сарматии, где-то в Подонье, местоположение которого остается неизвестным [6, с. 326]. Ясно, что сарматский Экополь исчез более чем за тысячу лет до Смита, хотя географы раннего нового времени, в том числе Хондиус [28, р. 1369], все равно помещали это название на своих картах. Виной тому – уважение к классической традиции, сочетавшееся с крайне ограниченными представлениями о юго-востоке Европы. Смит, по-видимому, забыл, как называлось место, где он «*почувствовал себя воскресшим из мертвых»*, и заимствовал его имя из своих источников. Ф.-Л. Барбур попытался отождествить Экополь с городом Валуйки (ныне районный центр Белгородской области) [15, р. 365–366], а В.Н. Королев и Г.Ю. Магаков – с Царёв-Борисовым, что у слияния Северного Донца и Оскола [9, с. 202]. Можно предложить и третий вариант, учитывая, что Экополь, по словам Смита, стоял на берегу Дона [33, р. 201; 28, р. 1368–1369]. Это мог быть городок Ебок (в документах именовавшийся «Стыдное Имя»), где на рубеже XVI–XVII вв. находилась войсковая администрация и жил войсковой атаман донских казаков [8]. Казавшееся русским нецензурным, название отчасти напоминает «Экополь», так что забывший его Смит мог спустя четверть века обнаружить на одной из географических карт нечто близкое к его воспоминаниям. Точное местоположение данного городка неизвестно, предположительно он находился близ нынешнего города Аксая в Ростовской области. Странствуя в придонско-приазовских степях, Смит мог заблудиться, потому и провел в пути две с половиной недели – а мог и преувеличить свои страдания. Как бы то ни было, бесспорная локализация его маршрута вряд ли возможна.

⁵ По словам путешественника, отплыв из Константинополя, их корабль сначала направился к Варне, а оттуда – к проливу, за которым начиналось Азовское море (Sea Dissabacca). Заметим, что между Варной и Азовским морем он должен был оказаться в виду крымских берегов, но Смит их не упоминает. Далее путь лежал вдоль Азовского побережья, пока не достигли реки Бруапо (Bugaro), и, поднявшись по ней, оказались в стране Камбии, где находились владения нового хозяина Смита [33, р. 187–188]. Противоречивые слова путешественника позволили Б. Смицу отождествить р. Бруапо с Манычем [27, р. 66], Ф.-Л. Барбуру – с Доном [15, р. 364], а В. Н. Королеву и Г. Ю. Магакову – с Кубанью [9, с. 200]. Как бы то ни было, Смит не очень хорошо представлял, где именно оказался. Ясно только, что это было Северное или Восточное Приазовье.

умели пользоваться судами. По словам Смита, заинтересованность в плавании по рекам проявляли ногайцы, которые, правда, сами строить корабли не умели. *«Если же им удаётся добыть струги, а это – большие лодки, которыми пользуются на реке Волга (которую они называют Итиль), то они причиняют много вреда тем, кто живёт в стране Перелог, и причинили бы куда больше, если бы там не стояли гарнизоны московитов»* [33, р. 191]. По предположению Ф.-Л. Барбура, Перелог (Perolog) – это место, где Дон ближе всего подходит к Волге, с *переволоком* для судов [33, р. 191, п. 1]. В это время по Дону, в том числе и гораздо ниже указанного района, стояли казачьи городки [7], которые Смит мог назвать московскими гарнизонами.

Суровая жизнь закалила характер татар, сделав их прекрасными воинами. *«При всех тех жалких знаниях, оружии и упряжи удивителен ущерб, который они [татары] наносят Христианству, причиною чему – тяготы их жизни и крепость характера, смирение, сообразительность, а также дары, почести, милости и титулы, которыми их император⁶ всегда осыпает тех, кто оказал ему всякую достойную упоминания услугу перед лицом врагов»* [33, р. 199]. В высоких боевых качествах крымского войска Смигу довелось убедиться на собственном опыте. И хотя описание сражения при Верешторони, где его товарищи потерпели поражение, а сам он попал в плен, Смит, вероятно, заимствовал из сочинения другого автора [33, р. 182, п 5; р. 330–332], ясно, что основные сведения соответствовали тому, что англичанин испытал на собственной шкуре⁷. Судя по его словам, татарской коннице можно было противостоять силами пехоты, если она стойко обороняется, держит строй и использует импровизированные заграждения. Однако решающим все равно оказывает-ся численность противника.

11-тысячный отряд графа Модруша, в котором служил Смит, встретился с 40-тысячным войском, состоявшим из конницы Гази II Герая и пеших отрядов турок и янычар. Турецко-татарское войско приступило к делу, *«подняв крик, развернув все свои значки, под бой барабанов и звук труб и рожков»*. Затем, *«пустив столько стрел, что от них потемнели небеса»*, татарская конница обрушилась на врага. Весьма эффективной оказалась тактика Модруша, приказавшего укрепить свой фронт рядами вкопанных в землю, предварительно обожженных на огне кольев, направленных в сторону врага, между которыми вырыли небольшие ямки. Когда татарская конница стала теснить пехоту противника, та смогла укрыться за этим заграждением. Исход сражения решила стойкость турок и татар, продолжавших атаковать уступающего в силе врага, невзирая на многочисленные жертвы и, в конце концов, опрокинувших его ряды. Вырвать-

⁶ Так Смит называет крымского хана.

⁷ Подробнее о запутанной истории Пятнадцатилетней войны и участии в ней Смита см.: [25; 18, р. 32–66; 195, р. 214–216; 20, р. 9–19].

ся из окружения удалось лишь Модрушу с 1300 или 1400 всадниками, «а все остальные были убиты или попали в плен» [33, р. 184–185]. Возможно, этот печальный опыт подсказал Смигу следующее рассуждение об особенностях военного дела крымского хана: «если он [хан] узнаёт [о приближении] врага, то или сражается из засады, или обращается в бегство, ведь он никогда не вступит в сражение, не обладая тройным превосходством [над врагом], если есть возможность уклониться [от битвы]; к тому же по тем виденным мною бесчисленным летящим стрелам, выпущенным его бегущими отрядами, трудно будет судить, что опаснее – когда они вступают в сражение, или когда обращаются в бегство, ведь его лошади прекрасны, а лучники очень опытные. Но если они оказались в таком положении, что вынуждены сражаться, никто не превзойдет их оборону в упорстве или стойкости» [33, р. 197].

Смит жил в начале эпохи, когда путешествия из практической необходимости превращались в своего рода «командировку» с научными или образовательными целями, а их описания становились литературным жанром, нередко – исследованием по истории, этнографии и археологии дальних стран. Современник Смита, знаменитый философ Фрэнсис Бэкон в небольшом эссе сформулировал идею путешествия как паломничества в поисках знания. «В юности путешествия служат пополнению образования, в зрелых годах – пополнению опыта. Кто отправляется в страну, не освоившись прежде с ее языком, отправляется в учение, а не в путешествие... Не странно ли, что в морских плаваниях, где нечего видеть, кроме неба и вод, люди ведут журнал; а в путешествиях сухопутных, где столь многое можно наблюдать, они больше частью пренебрегают этим обычаем... Итак, пусть наш путешественник ведет журнал. Посещать и наблюдать надлежит такие места, как: королевский двор... суд... храмы и монастыри... городские стены и укрепления... памятники старины, колледжи, диспуты и лекции...» [2, с. 70]. Впоследствии длительная поездка на континент постепенно становится важным элементом образовательной программы для представителей британского высшего класса [21; 34]. Путешественники стали фиксировать наблюдения в дорожных дневниках, которые впоследствии перерабатывались и издавались. Так путевые записки превратились не просто в распространенный литературный жанр или средство популяризации знаний о дальних странах, но нередко и в научные исследования, потеснившие «кабинетную» науку [3]. Записки Смита о Турции и Татарии предвосхитили эту эпоху. Интересно, что в 1618 г. он обращался к Бэкону, занимавшему пост британского лорд-канцлера, пытаясь заинтересовать его своими проектами колонизации Северной Америки, но не был услышан [18, р. 338–339]. Неизвестно, знал ли Смит о воззрениях Бэкона на путешествия, но обстоятельства его вынужденной поездки в Татарию сделали его опыт противоположным тому, о чем писал философ. Смит не знал языка

тех стран, в которых очутился волею судеб; вести дневник пленнику было тяжело; а вместо королевского двора, суда, лекций и диспутов он наблюдал тяжелую жизнь рабов в приазовской глуши. Будь у него такая возможность, Смит вообще предпочел бы избежать этого приключения. Однако он, сам того не зная, следовал, пожалуй, самому главному из советов Бэкона: *«пусть будет каждому видно, что он [путешественник] не изменил обычаям родины ради чужеземных, но хочет лишь украсить их лучшим из того, чему научился в чужих краях»* [2, с. 71]. Несмотря на призыв прекрасной дамы из Стамбула, Смит так и не стал турком и сумел вернуться на родину. Зато приключения в Татарии научили его не отчаиваться в самых крайних обстоятельствах, что впоследствии не раз пригодилось ему в Новом Свете. К тому же, как полагают многие исследователи, познакомившись с деревянной архитектурой донских казаков [33, р. 202], Смит впоследствии использовал эти технику при строительстве первого постоянного английского поселения в Северной Америке – города Джеймстаун [27, р. 70–71; 18, р. 414, п. 5; 4, с. 160].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белан М.А.* Колониальные идеи в общественно-политической мысли Англии второй пол. XVI – первой четверти XVII вв. Дисс. ... к.и.н. М.: Московский государственный университет, 2014. 390 с.
2. *Бэкон Ф.* Новая Атлантида. Опыт и наставления нравственные и политические / Пер. З.Е. Александровой. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1962. 238 с.
3. *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 548 с.
4. *Двойченко-Маркова Е.М.* Джон Смит в России // Новая и новейшая история. 1976. № 3. С. 158–160.
5. *Калашиников В.М.* Британский взгляд на Крым (хроники, мемуары, дневники XVII – первой четверти XIX столетия). Днепропетровск: Новая идеология, 2013. 331 с.
6. *Качарова Д.Д., Квирквелия Г.Т.* Города и поселения Причерноморья античной эпохи: малый энциклопедический справочник. Тбилиси: Мецниереба, 1991. 655 с.
7. *Королев В.Н.* Донские казачьи городки // Донская археология. 1999. № 1. С. 5–23.
8. *Королев В.Н.* Городок Стыдное Имя // Историко-культурные и природные исследования на территории Раздорского этнографического музея-заповедника. Ростов на Дону, 2003. Вып. 1. С. 52–67.
9. *Королев В.Н., Магаков Г.Ю.* Джон Смит на юге России // Новая и новейшая история. 1985. №3. С. 199–202.
10. *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи / Ред. А. Берелович, В.Д. Назаров, П.Ю. Уваров. М.: Языки славянских культур, 2007. 550 с.
11. *Мосолкина Т.В.* Пропаганда колониальной экспансии в Англии начала XVII века (памфлет Дж. Смита «Описание Новой Англии») // Средневековый город. Саратов, 1983. Вып. 7. С. 140–148.

12. Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. М.: Русский Мирь, 2006. 640 с.
13. Слезкин Л.Ю. Легенда о Джоне Смита, или первые годы Джеймстауна // Новая и новейшая история. 1973. № 3. С. 159–170.
14. Эко У. История иллюзий. Легендарные места, земли и страны. М.: Слово, 2013. 480 с.
15. Barbour Ph.L. Captain John Smith's Route through Turkey and Russia // The William and Mary Quarterly. Third Series. 1957. Vol. 14. No. 3. P. 358–369.
16. Barbour Ph.L. Captain John Smith's Observations on Life in Tartary // The Virginia Magazine of History and Biography. 1960. Vol. 68. No. 3. P. 271–283.
17. Barbour Ph.L. Fact and Fiction in Captain Smith's True Travels // Literature as a Mode of Travel: Five Essays and a Postscript. New York, New York Public Library, 1963. P. 101–119.
18. Barbour Ph.L. The Three Worlds of Captain John Smith. London, Macmillan, 1964. 553 p.
19. Basa E.M. English and Hungarian Cultural Contacts in the 16th Century // Hungarian Studies. 1995. Vol. 10. No. 2. P. 205–234.
20. Bauman A.P. The Historical Background of Captain John Smith's Travels. Bloomington, Author House, 2014. 104 p.
21. Chaney E. The Evolution of the Grand Tour: Anglo-Italian Cultural Relations since the Renaissance. 2nd ed. Oxon, Routledge, 2000. 426 p.
22. Goodman J.R. The Captain's Self-Portrait: John Smith as Chivalric Biographer // The Virginia Magazine of History and Biography. 1981. Vol. 89. No. 1. P. 27–38.
23. Marcin Broniewski. Tartariae Descriptio. Opus Tatarii / Red. M. Maczyńska. Łódź, SNAP, 2011. 116 s.
24. Morse J.M. John Smith and His Critics: A Chapter in Colonial Historiography // The Journal of Southern History. 1935. Vol. 1. No. 2. P. 123–137.
25. Polanyi Striker L. Appendix I: Captain John Smith's Hungary and Transylvania // Smith B. Captain John Smith, His Life & Legend. Philadelphia; New York, B. J. Lippincott, 1953. P. 311–342.
26. Polanyi Striker L., Smith B. The Rehabilitation of Captain John Smith // The Journal of Southern History. 1962. Vol. 28. No. 4. P. 474–481.
27. Smith B. Captain John Smith, His Life & Legend. Philadelphia; New York, B. J. Lippincott, 1953. 375 p.
28. [Smith J.] Chap. XI. The Travels and Adventures of Captaine Iohn Smith in diuers parts of the world, began about the yeere 1596 // Pvrchas his Pilgrimes. Pt. 2. London, Henrie Fetherstone, 1625. P. 1361–1370.
29. [Smith J.] The True Travels, Adventures, and Observations of Captain John Smith // Europe, Asia, and America, from Anno Domini 1593. to 1629. London, Thomas Slater, 1630. 60 p.
30. Stanonik J. Captain John Smith in Slovenia // Slovene Studies. 1989. Vol. 11. No. 1–2. P. 25–32.
31. The Complete Works of Captain John Smith / Ed. Ph.L. Barbour. Vol. I. Chapel Hill; London, The University of North Carolina Press, 1986. 448 p.
32. The Complete Works of Captain John Smith / Ed. Ph.L. Barbour. Vol. II. Chapel Hill; London, The University of North Carolina Press, 1986. 488 p.

33. The Complete Works of Captain John Smith / Ed. Ph.L. Barbour. Vol. III. Chapel Hill; London, The University of North Carolina Press, 1986. 513 p.

34. Trease G. The Grand Tour. London, Heinemann, 1967. 251 p.

Сведения об авторах: Никита Игоревич Храпунов – старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета, кандидат исторических наук (295007, пр. Вернадского, 4, Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация).

Светлана Николаевна Храпунова – начальник отдела Департамента образовательной деятельности Крымского федерального университета (295007, пр. Вернадского, 4, Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация).

NOTES OF JOHN SMITH AS A SOURCE FOR THE CRIMEAN KHANATE HISTORY IN THE EARLY 17TH CENTURY

N.I. Khrapunov, S.N. Khrapunova
(Crimean Federal University)

The paper analyses the account of Tataria collected by famous English adventurer John Smith. In 1602, Smith, a mercenary in Transylvania, was captured by pillagers and, later, sold into slavery. In spring of 1603 he found himself a slave somewhere in the Azov Sea Area, in the land of the Crimean Khanate. A few months later, Smith succeeded to escape, he reached the Moscow czar's country, and whence returned to Transylvania. Twenty years after, Smith published his life story in short (1625) and then long version (1630). A considerable part of the story was the account of the author's adventures among the Turks and the Tatars. Smith widely used other travellers' accounts (William Biddulph, Antony Jenkinson, William of Rubruck, and Martin Broniovius), collected by famous Samuel Purchas, the first publisher of Smith's own story. Now we can determine original materials by Smith, based on his personal experience, which describe the Crimean Khanate's daily life and warfare.

Keywords: Crimean Khanate, Ottoman Empire, travel journal, John Smith, ethnography.

REFERENCES

1. Belan M.A. *Kolonial'nye idei v obshchestvenno-politicheskoy mysli Anglii vtoroy pol. XVI – pervoy chetverti XVII vv. Diss ... k.i.n.* [Colonial Ideas in Political Thought in England in the second half of the 16th – the first quarter of the 17th centuries. Dissertation ... of the Candidate of historical studies]. Moscow, Moscow State University, 2014. 390 p.

2. Bacon F. *Novaya Atlantida. Opyty i nastavleniya npravstvennyye i politicheskie* [New Atlantis: Moral and Political Essays and Instructions]. Per. Z.E. Aleksandrovoy. Moscow, Akademiya nauk SSSR, 1962. 238 p.

3. Wolff L. *Izobretaya Vostochnuyu Evropu: karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniya* [Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2003. 548 p.

4. Dvoychenko-Markova E.M. Dzhon Smit v Rossii [John Smith in Russia]. *Novaya i noveyshaya istoriya* [Modern and Contemporary History]. 1976, no. 3, pp. 158–160.

5. Kalashnikov V.M. *Britanskiy vzglyad na Krym (khroniki, memuary, dnevniky XVII – pervoy chetverti XIX stoletiya)* [British View of the Crimea (chronicles, memoirs, diaries of the 17th – the first quarter of the 19th centuries)]. Dnepropetrovsk, Nova ideologiya, 2013. 331 p.

6. Kacharava D.D., Kvirkveliya G.T. *Goroda i poseleniya Prichernomor'ya antichinoy epokhi: malye entsiklopedicheskiy spravochnik* [Black Sea Region Towns and Settlements in Antiquity: Small encyclopedic guide]. Tbilisi, Metsniereba, 1991. 655 p.

7. Korolev V.N. Donskie kazach'i gorodki [Cossack Towns of Don]. *Donskaya arkhologiya* [Archaeology of Don]. 1999, no. 1, pp. 5–23.

8. Korolev V.N. Gorodok Stydnoe Imya [Township Stydnoe Imya]. *Istoriiko-kul'turnye i prirodnye issledovaniya na territorii Razdorskogo etnograficheskogo muzeya-zapovednika* [Historical, Cultural, and Natural Researches on the Territory of Razdorskiy Ethnographic Museum-Reserve]. Is. 1. Rostov-na-Donu, 2003, pp. 52–67.

9. Korolev V.N., Magakov G.Yu. Dzhon Smit na yuge Rossii [John Smith in the South of Russia]. *Novaya i noveyshaya istoriya* [Modern and Contemporary History]. 1985, no. 3, pp. 199–202.

10. Margeret J. *Sostoyanie Rossiyskoy imperii* [Condition of the Russian Empire]. Red. A. Berelovich, V.D. Nazarov, P.Yu. Uvarov. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007. 550 p.

11. Mosolkina T.V. Propaganda kolonial'noy ekspansii v Anglii nachala XVII veka (pamflet Dzh. Smitya «Opisanie Novoy Anglii») [Propaganda of Colonial Expansion in England in the early 17th century (pamphlet of J. Smith “Description of New England”)]. *Srednevekovyy gorod* [Medieval City]. Is. 7. Saratov, 1983, pp. 140–148.

12. Said E.V. *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism: Western Scholarship about the Eastern World]. Moscow, “Rucckiy Mir”, 2006. 640 p.

13. Slezkin L.Yu. Legenda o Dzhone Smite, ili pervye gody Dzheymstaun [The Legend of John Smith, or the Early Years of Jamestown]. *Novaya i noveyshaya istoriya* [Modern and Contemporary History]. 1973, no. 3, pp. 159–170.

14. Eco U. *Istoriya illyuziy. Legendarnye mesta, zemli i strany* [History of Illusions. Imaginary Places, Lands, and Countries]. Moscow, Slovo, 2013. 480 p.

15. Barbour Ph.L. Captain John Smith's Route through Turkey and Russia. *The William and Mary Quarterly*. Third Series. 1957. Vol. 14, no. 3, pp. 358–369.

16. Barbour Ph.L. Captain John Smith's Observations on Life in Tartary. *The Virginia Magazine of History and Biography*. 1960. Vol. 68, no. 3, pp. 271–283.

17. Barbour Ph.L. Fact and Fiction in Captain Smith's True Travels. *Literature as a Mode of Travel: Five Essays and a Postscript*. New York, New York Public Library, 1963, pp. 101–119.
18. Barbour Ph.L. *The Three Worlds of Captain John Smith*. London, Macmillan, 1964. 553 p.
19. Basa E.M. English and Hungarian Cultural Contacts in the 16th Century. *Hungarian Studies*. 1995. Vol. 10, no. 2, pp. 205–234.
20. Bauman A.P. *The Historical Background of Captain John Smith's Travels*. Bloomington, Author House, 2014. 104 p.
21. Chaney E. *The Evolution of the Grand Tour: Anglo-Italian Cultural Relations since the Renaissance*. 2nd ed. Oxon, Routledge, 2000. 426 p.
22. Goodman J. R. The Captain's Self-Portrait: John Smith as Chivalric Biographer. *The Virginia Magazine of History and Biography*. 1981. Vol. 89. No. 1, pp. 27–38.
23. Marcin Broniewski. *Tartariae Descriptio. Opus Tatarii*. Red. M. Mączyńska. Łódź, SNAP, 2011. 116 p.
24. Morse J.M. John Smith and His Critics: A Chapter in Colonial Historiography. *The Journal of Southern History*. 1935. Vol. 1. No. 2, pp. 123–137.
25. Polanyi Striker L. Appendix I: Captain John Smith's Hungary and Transylvania. *Smith B. Captain John Smith, His Life & Legend*. Philadelphia; New York, B. J. Lippincott, 1953, pp. 311–342.
26. Polanyi Striker L., Smith B. The Rehabilitation of Captain John Smith. *The Journal of Southern History*. 1962. Vol. 28. No. 4, pp. 474–481.
27. Smith B. *Captain John Smith, His Life & Legend*. Philadelphia; New York: B. J. Lippincott, 1953. 375 p.
28. [Smith J.] Chap. XI. The Travels and Adventures of Captaine Iohn Smith in diuers parts of the world, began about the yeere 1596. *Pvrchas his Pilgrimes*. Pt. 2. London: Henrie Fetherstone, 1625. P. 1361–1370.
29. [Smith J.] The True Travels, Adventures, and Observations of Captain John Smith. *Europe, Asia, and America, from Anno Domini 1593. to 1629*. London, Thomas Slater, 1630. 60 p.
30. Stanonik J. Captain John Smith in Slovenia. *Slovene Studies*. 1989. Vol. 11, No. 1–2, pp. 25–32.
31. *The Complete Works of Captain John Smith*. Ed. Ph.L. Barbour. Vol. I. Chapel Hill; London, The University of North Carolina Press, 1986. 448 p.
32. *The Complete Works of Captain John Smith*. Ed. Ph.L. Barbour. Vol. II. Chapel Hill; London, The University of North Carolina Press, 1986. 488 p.
33. *The Complete Works of Captain John Smith*. Ed. Ph.L. Barbour. Vol. III. Chapel Hill; London, The University of North Carolina Press, 1986. 513 p.
34. Trease G. *The Grand Tour*. London, Heinemann, 1967. 251 p.

About the authors: Nikita Igorevich Khrapunov – Senior Researcher, Research Centre for the History and Archaeology of the Crimea at the Crimean Federal University, Cand. Sci. (History) (295007, Vernadsky Ave., 4, Simferopol, Republic of the Crimea, Russian Federation).

Svetlana Nikolaevna Khrapunova – Division Head, Department of Educational Activity of the Crimean Federal University (295007, Vernadsky Ave., 4, Simferopol, Republic of the Crimea, Russian Federation).